

**АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ**

**НА КОНЕ, ТАНКЕ
И ШТУРМОВИКЕ**

**ЗАПИСКИ ВОИНА-
ФИЛОСОФА**

**НА ВОЙНЕ
КАК НА ВОЙНЕ**

На войне как на войне

Александр Зиновьев

**На коне, танке и штурмовике.
Записки война-философа**

«Алгоритм»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зиновьев А. А.

На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа /
А. А. Зиновьев — «Алгоритм», 2018 — (На войне как на войне)

ISBN 978-5-907024-01-4

Александр Александрович Зиновьев – всемирно известный ученый, писатель, философ, публицист. Миллионы читателей знают его книги «Зияющие высоты», «Глобальный человек», «Катастрожка», «Русская трагедия» и другие. Но мало кто знает, что он прошел всю войну от 1941 до 1945 года; служил в кавалерии, в танковых войсках, затем, по окончании летной школы, воевал на легендарном штурмовике «Ил-2». Воспоминания А. А. Зиновьева содержат не только много интересных и ярких подробностей о военных действиях, но и авторскую оценку происходивших событий, а также размышления о Сталине, особенностях советского строя, об армии, о причинах наших неудач и побед в Великой Отечественной войне.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907024-01-4

© Зиновьев А. А., 2018
© Алгоритм, 2018

Содержание

В деревне	6
Моя родня	6
Коллективизация	11
В Москву!	14
Перед войной	16
Москва	16
Школа	20
Идейное воспитание	23
Проблемы коммунизма	26
Предвоенный призыв	30
Армия	32
Модель общества	32
Армейская жизнь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Зиновьев
На коне, танке и штурмовике.
Записки война-философа

© Зиновьева О. М., правообладатели, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

* * *

В деревне

Моя родня

Я расскажу о нашей родственной группе, поскольку ее судьба характерна. Родители моей матери (Василий и Анастасия Смирновы) были довольно богатыми людьми. Помимо дома в деревне, самого богатого в округе, у них были дома в Петербурге. Дед был предпринимателем, какие тогда в большом количестве появлялись в России. Не знаю точно, в чем состояло его дело. Знаю только, что он сам был мастером на все руки и работал вместе со своими рабочими. О размерах его богатства можно судить по тому факту, что в результате революции у него пропало двести тысяч рублей наличными. Сумма по тем временам немалая. Факт этот характерен для состояния капиталистических отношений в России перед революцией. Хотя в России уже существовали капиталисты европейского типа, капиталистические отношения в целом оставались еще примитивными. Основная масса предпринимателей, образующих потенциальный класс капиталистов, который мог бы стать основой общества, находилась психологически, идеологически и организационно еще на стадии накопительства. Они имели большие доходы. Но держали деньги не в банках, а в сундуках. И вкладывали их не в расширение и модернизацию бизнеса, а в недвижимость (дома), в дорогие вещи (одежда, драгоценности, посуда) и предметы быта (лошади, санки, тарантасы). Мой дед был типичной фигурой на этот счет.

У родителей моей матери было семь дочерей и один сын. Все дочери были выданы замуж за уважаемых людей, по традиции, в нашем же районе или за выходцев из наших мест. Одна из дочерей была выдана замуж за молодого человека из зажиточной семьи, офицера царской армии; во время революции он перешел на сторону большевиков, был политическим комиссаром дивизии в Гражданскую войну. После войны он стал профессиональным партийным работником среднего ранга – был одним из секретарей областного комитета партии и членом ЦК союзной республики. Его звали Михаил Маев. По рассказам жителей наших мест, после Октябрьского переворота он приехал в нашу Чухлому, объявил об образовании новой власти, забрал жену с детьми и насовсем покинул наши края.

Мой родной дядя по материнской линии, Александр Смирнов, получил хорошее образование в Петербурге. Жил и работал в Ленинграде. Перед войной с Германией он был заместителем директора одного из научно-исследовательских институтов. Эти два человека были гордостью в нашей родственной группе.

Я помню деда и бабушку по матери весьма смутно. Жили они в основном в Ленинграде. В революцию дед потерял капитал, дело и дома в Петербурге. Но дом в деревне у них сохранился. Уже после смерти деда бабушка отдала дом под медицинский пункт. Когда в доме хотели разместить сельский совет, она погрозила его сжечь. И ее волю выполняли вплоть до исчезновения деревни вместе с десятками других деревень в результате коллективизации. Такая ситуация кажется неправдоподобной, но это факт. Объясняется он тем, что в силу условий землевладения, о которых я говорил выше, такие люди не рассматривались как эксплуататоры и собственники. Кроме указанной причины я могу упомянуть также усилившееся сразу же после революции бегство людей из деревень в города. Многие дома оставались стоять пустыми. Продажа дома мало что приносила, а конфискация была бессмысленной – домов и без того было в избытке. Люди бежали в города, просто бросая землю в распоряжение общины. И претендентов на нее не было.

Выходцы из наших мест в городах, на каких бы ступенях иерархии они ни находились, отнеслись к революции без особых эмоций. Они жили в таком разрезе общества, который был затронут революцией в самой малой степени. Наши родственники, за исключением Маева, не

имели никакого отношения к подготовке и проведению революции. Но они и не стали врагами революции. Не стали и жертвами. Их не тронули в городах. Естественно, их не тронули и в деревне.

Во время НЭПа мой дед снова стал частником. Будучи сам хорошим мастером и организатором дела, он стал сравнительно зажиточным снова. Годы НЭПа вообще были годами вспышки того образа жизни, какой доминировал в наших краях. Но он уже был обречен. Люди не верили в устойчивость этого состояния. Дед и бабка уже не копили деньги, как перед революцией, а проживали их. Они вели широкий образ жизни. Когда они приезжали в деревню, то устраивали пиры с участием десятков людей. У бабушки развилась страсть раздавать вещи всем кому попало. Эта страсть, по всей вероятности, была врожденной в нашем роду. Она перешла и к моей матери. Хотя раздавать практически было почти нечего, она как-то ухитрялась все же собирать какие-то вещи для раздачи нуждающимся. Дед и бабка умерли еще до войны с Германией. Их единственный сын и все дочери, за исключением моей матери и той, которая была замужем за партийным работником Маевым, с их семьями погибли во время блокады Ленинграда.

Мой дед по отцу и другой «богатеи» из наших мест были женаты на сестрах. Этот человек был богатым домовладельцем в Москве, содержал большую артель (до ста человек). Как и другие, он имел дом в деревне. Мой дед и отец до революции были мастерами в его артели и жили в его доме. Хотя они и были близкими родственниками хозяина дома, они жили в самой плохой комнатухе в сыром подвале. Это объясняется отчасти тем, что дед и отец не помышляли насовсем поселиться в Москве, а отчасти личными качествами деда и отца, которые были беспомощными в житейском отношении чудаками и не умели постоять за себя. Их спасала только высокая квалификация в их деле, их золотые руки. У этого нашего родственника судьба была сходна с судьбой моего деда по матери. В революцию он потерял капитал, дело и собственность. Но он до смерти жил в лучшей квартире своего бывшего дома. Его дети, получившие образование, стали советскими служащими. Одного из его внуков в чине майора я встретил случайно во время войны с Германией.

Упомяну еще об одном родственнике – о брате деда по матери. Он насовсем переселился в Москву, имел текстильную фабрику около Москвы. Его дети после революции стали инженерами, один сын стал морским офицером. Внуки вообще уже были вполне советскими людьми. Одним словом, вся наша родственная группа без особых потерь перенесла великий перелом в русской истории и включилась в историю советскую. Этот факт заслуживает внимания хотя бы уже потому, что никто из наших родственников не скомпрометировал себя недостойным поведением во все трудные и сложные годы послереволюционной русской истории. Я был первым и единственным из всех, кто имел шансы быть уничтоженным в качестве «врага народа», да и то по причинам качественно иного рода.

* * *

К женитьбе отца дед построил новый дом. По размерам и удобствам он стал одним из лучших в округе. Жилая часть дома была сделана по образцу городских квартир. Отдельная кухня, спальня для отца и матери, спальня для дедушки и бабушки, спальня для старших детей, горница. Горница – это большая комната для приема гостей. В ней стоял посудный шкаф, комод, стол человек на двадцать, диван, венские стулья, цветы. Висело большое зеркало, иконы, картины. Одна из картин – портрет царя Александра Второго. Он висел вплоть до отъезда всей семьи в Москву в 1946 году. И никто и никогда не сделал по этому поводу ни одного замечания, хотя у нас часто бывали начальники из Чухломы и даже Костромы.

Дом был окружен садом. К саду примыкал огород. В нем был пруд и баня. Баня была с печкой, парилкой и раздевалкой. Такая баня была единственной во всей округе. За огоро-

дом находилось гумно – участок, где росла трава на корм скоту и располагались различные хозяйственные постройки. Вся земля, на которой находились дом, сад, огород, гумно, сарай и другие постройки, принадлежала общине. Но община не была собственницей земли. Она не могла продать ее. После революции это отношение к земле сохранилось. Передача земли в «вечную собственность» колхозам при Сталине была лживой пропагандой по форме и новым закрепощением крестьян по существу.

Такой дом сыграл свою роль в формировании нашей психологии. Деревня для нас выглядела не как нечто противоположное городу, а как некое ответвление города. Мы вырастали не с сознанием людей, обреченных вечно копать в земле, а со стремлением оторваться от нее и подняться на более высокий, городской уровень. Последний нам казался более высоким в любом варианте. Революция и коллективизация лишь ускорили процесс, который без них мог затянуться на много десятилетий, и придали этому процессу черты трагичности.

Моя мать родила одиннадцать детей. Первого в 1910-м, а последнего в 1935 году. Двое детей умерли маленькими в годы войны и голода. Младшая дочь умерла в двадцать лет из-за халатности врачей. Старший сын умер в пятьдесят шесть лет от рака. Все дети моих родителей вместе произвели на свет лишь пятнадцать детей, т. е. почти два ребенка на семью. А у внуков эта величина и того меньше. Факт характерный. Хочу заметить к сведению теоретиков, увидевших причину снижения рождаемости в России в пьянстве: все мои братья и сестры были трезвенниками, пьянствовал один я, что не помешало мне произвести на свет троих детей. Я мог бы произвести тридцать, но этому воспрепятствовали соображения социального расчета и морали, а не водка.

Мой старший брат Михаил (1910–1966) в двенадцать лет уехал с дедом и отцом в Москву. Сначала работал подмастерьем с ними. Потом стал учиться в вечерней школе и одновременно в профессиональной школе при мебельной фабрике. Вступил в комсомол. Добровольно работал два года на строительстве Комсомольска-на-Амуре. Учился в вечернем техникуме без отрыва от работы. В 1933 году женился. Имел четверых детей. По окончании техникума стал мастером, техником, инженером на мебельной фабрике. Во время войны был сержантом и младшим офицером. Награжден орденами и медалями. После войны работал начальником цеха и затем директором фабрики. Избирался депутатом районного и областного советов. За трудовую деятельность награждался орденами и медалями. Был членом партии.

Чтобы предотвратить аварию на фабрике, бросился в опасное место, получил сильный удар в грудь. Как это и бывало с русскими людьми, не обратился сразу к врачу. Когда почувствовал себя плохо, было уже поздно. Вскоре он умер, на его похороны пришли сотни людей. Один из выступавших сказал, что в России только после смерти настоящего человека мы узнаем, кого мы потеряли.

Жизненный путь брата Михаила характерен. Таких людей в народе считали настоящими коммунистами, вкладывая в это слово самое идеальное нравственное содержание. Уже будучи начальником цеха, он жил с женой и четырьмя детьми в одной комнате. Лишь став директором фабрики, он получил двухкомнатную квартиру.

Обе мои старшие сестры были тоже типичными русскими женщинами того периода. Образование их ограничилось четырьмя классами деревенской школы. Они рано начали работать в поле. Прасковья (1915) в шестнадцать лет вышла замуж за семнадцатилетнего парня из соседней деревни, жившего в городе. Сделав что-то с документами, чтобы увеличить возраст, они сразу же уехали в Ленинград. Конечно, пришлось дать взятку кое-кому. Муж сестры был рабочим. И сестра всю жизнь до выхода на пенсию была работницей. Другой сестре, Анне (1919), тоже не без труда и взяток удалось вырваться из колхоза. Она уехала в Москву, работала нянькой, домашней работницей, чернорабочей на заводе. Окончила курсы шоферов. Много лет работала шофером. После аварии стала инвалидом. Работала лифтершей и уборщицей. Участвовала в обороне Москвы. Имела награды.

Типична и судьба младших братьев. Николай (1924) в 1936 году переехал в Москву. Учился в школе. В начале войны стал работать на заводе. За получасовое опоздание был осужден на пять лет заключения. Был направлен в штрафную часть на фронт. Несколько раз ранен. Отличился в боях. Реабилитирован. Награжден многочисленными орденами и медалями. После войны окончил вечерний техникум. Стал замечательным специалистом по тонким приборам. Брат Василий (1926) окончил офицерскую школу, затем заочный юридический институт. Служил в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Стал полковником, военным юристом. В 1976 году был назначен на генеральскую должность в Москве. Но в это время на Западе появилась моя книга «Зияющие высоты». От Василия потребовали, чтобы он публично осудил меня. Он отказался это сделать. Заявил, что он гордится мною. Его немедленно уволили из армии и выслали из Москвы. Но он никогда не упрекал меня за то, что пострадал из-за меня, и не порывал со мной контактов. Он был членом партии, как и другие братья, прекрасным специалистом и на редкость хорошим человеком. Братья Алексей (1928) и Владимир (1931) учились в деревенской школе, служили в армии, работали рабочими, заочно учились в техникумах и институтах, оба стали инженерами.

Ни у кого из моих братьев и сестер не было никаких карьеристических амбиций. Если кто-то из нас немного преуспел, так это исключительно благодаря труду и способностям. Но я бы не сказал, что наша семья поднялась слишком высоко. Должность инженера немногим выше уровня квалифицированного рабочего и мастера. На самый высокий уровень поднялся я, став профессором и заведующим кафедрой университета, и Василий. Да и то на короткий срок. Так что «карьера» нашей семьи не превысила «карьеру» всей страны в результате социальной и культурной революции.

* * *

Не обязательно нужно делать нечто грандиозное, чтобы привить человеку высокие моральные принципы и хорошие бытовые привычки. Нас, например, приучали к бытовой чистоплотности на самых простых мелочах. Нас педантично заставляли мыть руки и ноги, стригли ногти и волосы, беспощадно воевали с соплями и вообще с неопрятностью. Тем, кто вырос и живет в современных гигиенических условиях, это покажется смешным или вообще не заслуживающим внимания. Но давно ли то время, когда в королевских дворцах водились вши, когда придворные красавицы не могли раскрывать рот из-за гнилых зубов, когда королевские парки были загажены из-за отсутствия уборных? В наших деревенских условиях и с большой семьей борьба за бытовую чистоплотность играла не менее важную роль, чем борьба прусского наследного принца за признание ночного горшка при королевском дворе. Мы понятия не имели о простынях. Но матрацы, на которых мы спали, регулярно мылись и набивались свежим сеном. То, что Зиновьевы были «помешаны» на чистоте, было известно во всем районе. Потому районное и областное начальство, уполномоченные, агитаторы и другие визитеры обычно ночевали у нас.

Не менее педантично нам прививали моральную чистоплотность. Нам постоянно внушали, что греховно не только совершать плохие поступки, а даже про себя думать о них. Нас наказывали самым беспощадным образом, если мы делали что-либо недостойное репутации нашей семьи. Что о нас подумают люди – это действовало на нас как удар хлыста.

Нам категорически запрещалось употребление бранных слов и скабрёзностей. Я не помню ни одного случая, чтобы дедушка, бабушка и родители ругались матом. Считалось, что чистота речи есть выражение чистоты души. Это прочно въелось в натуру. Я потом служил в кавалерии и в авиации, где на каждое нормальное слово употреблялось два похабных. Я же никогда таких слов не употреблял. В Москве после войны я постоянно вращался в интеллектуальных кругах, в которых все более входил в моду мат. Я не поддался этой эпидемии. Неко-

торые мои критики без всяких оснований приписали мне употребление мата в моих романах. Я описал и высмеял это явление, но никогда не использовал мат как литературное средство. Я считаю это признаком культурной и моральной деградации, а не прогресса...

Хотя мы все усердно работали, я не могу сказать, что мы имели в достатке еду и одежду. Одежду нам перешивали из старых вещей. Мы донашивали то, что оставалось от старших братьев и сестер. Обновы нам делали только в крайних случаях и к праздникам. Обычно мы недоедали и постоянно испытывали голод. Мясо ели редко и мало. Физическая усталость и скромное питание задерживали наше формирование. Я начал регулярно бриться лишь после того, как мне исполнилось двадцать лет. Моей первой женщиной стала моя первая жена. Мне тогда было двадцать один год.

Несмотря на бедность в современном смысле слова, жили мы весело. Мы не воспринимали свое положение как бедность. Мы вообще не оценивали его в этом плане. Я не помню ни одного случая, чтобы в нашем доме говорили о богатстве и бедности как о чем-то таком, что касалось нас лично. Достижение богатства не входило в круг наших интересов. Наше сознание имело иную ориентацию. В нашем доме всегда было много народу. Зимой у нас подолгу жили портные, сапожники, валяльщики валенок. Они делали одежду не только для нашей семьи, но и для всей деревни. Они были веселыми шутниками и рассказывали много интересного. Особенно веселое время наступало, когда из Москвы приезжали дед, отец и брат. Они привозили сахар, конфеты, белый хлеб, городские вещи, книги с картинками, цветные карандаши, резиновые мячи. В гости к нам приходили многочисленные родственники и друзья. Жизнь становилась яркой и праздничной.

Коллективизация

Самым значительным событием в деревне в период моего детства была коллективизация. В моем формировании и в моей судьбе она сыграла роль огромную. Потому остановлюсь на ней несколько подробнее.

Когда число людей, занятых поисками истины, превышает некий допустимый максимум, то в силу вступает закон: чем больше искателей истины, тем более чудовищные заблуждения порождают эти поиски. В таких случаях люди стремятся не столько к истине, сколько к удовлетворению своих личных целей за счет темы. Истина оказывается делом второстепенным. Тема советской коллективизации дает классический пример на этот счет. На эту тему написаны тонны слов. Найти в них крупицу истины еще труднее, чем найти жемчужину в навозной куче. Уже находясь в эмиграции, я пытался высказать о коллективизации то, что пережил сам и видел своими глазами, на меня обрушили самые нелепые и несправедливые обвинения, в их числе – обвинения в защите сталинизма. И это делали в отношении человека, который в семнадцать лет встал на путь антисталинизма и пострадал из-за этого! Хотел бы я знать, как бы вели себя нынешние храбрые критики Сталина, если бы оказались в Советском Союзе в 1939 году!

В силу особенностей, о которых я говорил выше, наш район был всей предшествующей историей подготовлен к коллективизации. Думаю, что в этом отношении он был типичен для России. Крестьяне не были собственниками земли. Единоличность хозяйства заключалась лишь в том, что семья индивидуально использовала отведенные ей участки земли. Землю нельзя было продать и даже передать другим во временное пользование за плату. Революция ликвидировала помещичье землевладение. Производительность крестьянского труда была низкая. Продукты труда продавались лишь в исключительных случаях. Это не было источником регулярного дохода. Многие работы выполнялись коллективно (починка дорог, рытье прудов, сенокос). Коллективизация не была для крестьян чем-то абсолютно новым и неожиданным.

О колхозах стали говорить еще до того, как коллективизация началась практически. Неподалеку от нашей деревни возникла коммуна в духе идей социалистов-утопистов. Она стала предметом насмешек и скоро развалилась. Так что не любое насилие сверху могло быть принято массами крестьян. Если колхозы и были насилием, как принято теперь думать, то это было насилие особого рода: оно было формой организации добровольности. Иначе колхозы не уцелели бы, несмотря ни на какие репрессии. Ведь и в основе закрепощения крестьян в России в шестнадцатом и семнадцатом веках лежала добровольность. Суть проблемы рабства состоит не в том, почему людей заставляют становиться рабами, а в том, почему они позволяют превращать себя в рабов.

О колхозах говорили с насмешкой. Особенно потешались над тем, что якобы вся деревня будет спать под одним одеялом и есть из одной чашки. Одна доверчивая, но очень жадная старуха приобрела огромную ложку, дабы «не упустить своего» из общей чашки. Но насмешки не помешали юмористам единодушно и без эксцессов вступить в колхоз. Лишь немногие отказались. Отказалась та жадная старуха, узнав, что общей чашки не будет. Отказался мой дед и один из односельчан. Последний собрал пожитки, забрал семью и уехал в Ленинград. Дом со всем хозяйством он просто бросил. Лошадь привязал на станции к столбу. Такие поступки стали возможными потому, что потеря хозяйства не превращалась в катастрофу, а при наличии возможности иметь работу в городе не переживалась очень сильно.

Крестьяне отдали в колхоз лошадей, часть коров и овец, инвентарь, хозяйственные постройки. Они продолжали пользоваться ими, но уже как достоянием колхоза. Ликвидировали межи. Колхозу дали кое-какие машины. Появились трактора. Одна из идей колхозов

и состояла в том, что в условиях единоличного хозяйства было невозможно использование машин. Хотя в конечном итоге производительность колхозов оказалась низкой, государство получило дешевую рабочую силу в городах за счет бегства и вербовок крестьян в города и на стройки в отдаленных районах страны. Кроме того, государство получило возможность выжимать из деревень организованно и почти даром продукты питания для городов и армии.

Существует устойчивое мнение, будто колхозы были выдуманы сталинскими злодеями из чисто идеологических соображений. Это чудовищная нелепость. Идея колхозов не есть идея марксистская. Она вообще не имеет ничего общего с классическим марксизмом. Она не была привнесена в жизнь из-за теории. Она родилась в самой практической жизни реального, а не воображаемого коммунизма. Идеологию лишь использовали как средство оправдания своего исторического творчества. Сейчас, когда история сделала свое дело, даже советские вожди рассматривают сталинскую колхозную политику как ошибочную и противопоставляют ей некий ленинский (и бухаринский) кооперативный план. Не знаю, чего в этом больше – идиотизма или подлости. Ленинский кооперативный план был совершенно невразумительный и нелепый. Ленин просто понятия не имел о реальности коммунизма. Сталин уже не имел ленинских иллюзий. Он был циничен. Но именно его цинизм больше отвечал исторической неизбежности, чем все прочие программы. Одно дело – бумажные проекты. И другое дело – реальные проблемы реальной страны. Я утверждаю, что низкая производительность труда и другие критикуемые теперь явления колхозов были проявлением общих закономерностей коммунистического социального строя, а не специфически колхозных недостатков. Последние лишь усилили действие общих причин. В колхозах сущность коммунизма обнаружилась в наиболее острой и заметной форме. Дело не в ошибках Сталина. Дело в самом существовании той реальности, в которой действовал Сталин. Сталин делал ошибки, но не больше, чем Хрущев или Брежнев.

* * *

Чтобы правильно оценить суть дела, надо встать на позиции тех людей, которые были участниками исторического процесса. С нынешними мерками посторонних морализаторов в нем ничего не поймешь. Я неоднократно спрашивал мать и других колхозников во время приездов в деревню и позднее о том, согласились бы они снова стать единоличниками, если бы такая возможность представилась. Все они наотрез отказались. Старый строй жизни рухнул безвозвратно. Простые люди на уровне здравого смысла понимали, что возврат в прошлое невозможен. Колхозы им казались если не мостиком в будущее, то принудительной силой, толкавшей их в будущее. Массы населения понимали, что об улучшении условий жизни надо было думать уже на основе произошедшего перелома. Лишь высокообразованные мудрецы, не имеющие ни малейшего понятия о сущности реального процесса жизни и равнодушные к судьбам участников этого процесса, до сих пор занимаются суетумудрием по принципу «что бы было, если бы было не так, как было».

В проблеме отношения людей к коллективизации интереснее другое. Традиционный коллективизм жизни делал людей неспособными именно к коллективным формам протеста. Люди реагировали на удары судьбы индивидуально, причем не в форме активного протеста, а в форме пассивных поисков выхода. Люди уклонялись от социальной борьбы, устраиваясь поодиночке. Они воспринимали происходящее как должное, как природную катастрофу. Думали лишь об одном: выжить. Проблема заключалась не в том, чтобы избрать лучшую форму жизни – никакого выбора не было, – а в том, чтобы выжить в любой форме, предоставляемой обстоятельствами.

Не раздался ни один голос протеста. Я знаю лишь об одном случае, отдаленно напоминавшем протест. Вышло постановление высших властей о передаче земли «в вечную собственность колхозов». Одна женщина, мать пятерых детей, сказала, что лучше бы в собственность

людям отдали то, что вырастает на земле. Ее арестовали за «антисоветскую пропаганду». Никто не протестовал против этого.

Советские «прогрессивные» идеологи, готовые оправдать любую подлость и глупость властей, выдвинули «свежую» идею сделать сотрудников предприятий совладельцами этих предприятий – передать предприятия в собственность трудовых коллективов. Цель такой реформы они видели в повышении экономической эффективности предприятий. Они при этом забыли о том, что эта мера уже была испробована в деревне и обнаружила свою сущность: зверскую эксплуатацию людей, прикрываемую лицемерными словами. Один из соблазнов и одно из достижений реального коммунизма состоит в том, что он освобождает людей от тревог и ответственности, связанных с собственностью. Передача средств производства в собственность коллективов есть лишь лживая маскировка закрепощения людей.

В Москву!

В 1933 году я окончил начальную школу. Большинство детей, с которыми я учился, либо вообще закончили на этом образование, либо продолжили учебу в семилетней школе в большом селе, где находился сельский совет. После окончания этой школы часть детей поступала в местные техникумы и профессиональные училища, готовившие ветеринаров, агрономов, механиков, трактористов, бухгалтеров и прочих специалистов в новом сельском хозяйстве. В Чухломе была десятилетняя школа. Ее выпускники имели лучшие перспективы. Все эти учебные заведения и профессии возникли после революции как часть беспрецедентной культурной революции. Кстати сказать, коллективизация способствовала этому процессу. Помимо образования большого числа сравнительно образованных специалистов из местного населения в деревни устремился поток специалистов из городов, имевших среднее и даже высшее образование. Социальная структура деревенского населения стала приближаться к городской в смысле разделения людей на социальные категории, характерные для нового общественного устройства.

Стала складываться иерархия социальных позиций и разделение функций. Подобно тому, как понятие «рабочий класс» теряло социальный смысл в городах, понятие «крестьянство» теряло социальный смысл в деревнях. Эта тенденция мне была известна с детства. Разговоры на эти темы постоянно велись в нашей семье и в нашем окружении. Именно стремительное изменение социальной структуры деревни обеспечило новому строю колоссальную поддержку в широких массах населения, несмотря ни на какие ужасы коллективизации и индустриализации.

Матери хотелось, чтобы какой-то из сыновей остался в деревне и стал для нее опорой. Один из наших родственников стал ветеринаром. Хорошо зарабатывал. Пользовался уважением. Вот если бы я стал ветеринаром или агрономом, это была бы такая поддержка семье! Но установка на Москву все же пересилила. Школьный учитель настаивал на том, чтобы меня отправили в Москву. Он считал меня лучшим учеником за всю его учительскую деятельность. Он уверял мать, что я буду новым Ломоносовым. И наш священник говорил о том же. Он простил мне грех с крестиком. Он говорил матери, что во мне есть «искра Божия» и ее не загасит никакой атеизм. Скрепя сердце мать согласилась отправить меня в Москву. Она знала, что меня ожидало там.

Всю ночь перед отъездом мать плакала и молилась. Я тоже не спал, тоскуя от предстоящей разлуки с близкими и грезя сказочной Москвой. О Москве в наших краях говорили много и постоянно, а в нашем доме особенно. О Москве часто рассказывал дедушка Яков. Мы слушали его рассказы с захватывающим интересом, как сказки. Послушать его приходили дети и даже взрослые со всей деревни. Обычно это бывало зимними вечерами, когда люди имели немного свободного времени. Отец тоже кое-что рассказывал, но меньше, чем дед. Да и появлялся он в деревне очень редко. Кроме того, у нас в доме были книги и кипы старых журналов с иллюстрациями Москвы. В частности, было много не то журналов, не то альбомов с изображениями московских фабрик и заводов. Скорее всего, это были справочники-рекламы. Мой зрительный образ Москвы сложился в значительной мере под их влиянием. Я просматривал их постоянно. Фабрики и заводы до революции строились из красного кирпича и в стиле замков и крепостей, как мне казалось. Я воображал Москву в виде огромного скопления таких красных зданий. Этот образ до сих пор жив в моем художественном воображении.

Чуть свет проснулась вся семья. Перед дальней дорогой по старому русскому обычаю мы молча посидели несколько минут. И я с чужими людьми покинул дом. Это была не просто временная поездка в чужие края. Это был переход в иное измерение бытия. И это было не просто переходом деревенского парня к городскому образу жизни – такой переход не был чем-

то новым для наших мест. Это было началом скачка от самых глубоких основ разрушенного уклада народной жизни сразу на вершину современной тенденции человечества – скачка из прошлого в будущее. Сказанное не есть лишь сегодняшняя интерпретация прошлого события. Мы все на самом деле чувствовали тогда какой-то символический и даже мистический смысл происходившего. Предчувствие какого-то великого перелома было уже подготовлено долгими годами предшествующей истории.

В нашем веке многим миллионам людей, находившимся на низком уровне социального развития, приходилось и приходится приобщаться к современной цивилизации. Но в моем случае имелось то, чего нет в судьбе этих миллионов. Россия оказалась историческим новатором в прокладывании путей в будущее, а мне было суждено стать мыслителем этого исторического творчества. Мы были первооткрывателями, колумбами исторических поисков человечества. На Западе прилагаются титанические усилия к тому, чтобы не заметить, занизить и исказить это историческое творчество русских людей. Чтобы какие-то лапотники делали исторические открытия – такого не должно быть! Но это все-таки произошло, и с этим, так или иначе, придется считаться.

Когда я немного подрос, я прочитал книгу Эжена Сю «Агасфер». Одна идея книги поразила меня тогда. Она много раз повторялась. Выражалась она одним словом: «Иди!». Я припомнил свой отъезд из деревни. Мать проводила меня до околицы, благословила и сказала на прощанье лишь одно слово: «Иди!».

Перед войной

Москва

Реальная Москва удивила меня несоответствием тому образу ее, какой у меня сложился в деревне. Я увидел, конечно, и такие здания, какие воображал до этого. Таким был, например, весь комплекс Казанского вокзала, расположенного напротив Ярославского вокзала, на который мы прибыли. Я этот вокзал видел много раз на картинках и сразу узнал его. Но в целом город выглядел совсем иначе. Он мне показался серым и враждебным. И мокрым: шел дождь. По тротуарам и мостовой бежали ручьи. Меня встретил старший брат Михаил. Мы пошли на Большую Спасскую улицу, где мне теперь предстояло жить в доме номер 11 в квартире номер 3. Это было недалеко от вокзала, минутах в двадцати ходьбы. А вещей у меня – запасная рубашка и штаны да свидетельство о рождении и об окончании начальной школы. Забегая вперед, скажу, что я так и прожил всю жизнь в Советском Союзе с минимумом вещей, возведя это даже в принцип жития.

Мы подошли к приземистому дому. Над воротами была вделана плита с именем бывшего владельца дома, моего двоюродного деда Бахвалова. Эта плита сохранялась еще и в послевоенные годы. Мы вошли во двор, похожий на каменный колодец, и спустились в глубокий подвал. На кухню высыпали все жильцы подвала поглядеть на новое пополнение. Потом я узнал, что в подвале было пять комнат-клетушек, в которых жило пять семей. На общей площади менее 70 кв. м. обитало более двадцати человек, кроме нашей семьи. Никакой ванны. Допотопный туалет. Гнилые полы. За то, чтобы починить канализацию и настелить новые полы, жильцы квартиры сражались потом до 1936 года. Писали жалобы во все инстанции власти. Писали письма Ворошилову, Буденному и самому Сталину. Просьбу удовлетворили лишь в связи со «всенародным обсуждением» проекта новой Конституции.

Представив меня жильцам квартиры, брат ввел меня в маленькую комнатку, вид которой поверг меня не то что в состояние уныния, а в окаменение. Комната была узкая, два с половиной метра, и длинная, четыре метра, темная и сырая. На одной стене, густо покрашенной зеленой масляной краской, выступали большие капли воды, стекавшие тонкими струйками на пол. Небольшое, вечно грязное снаружи окно выходило прямо на тротуар. За ним мелькали ноги, топали каблуки. Слышно было, как по бульжной мостовой грохотали грузовики. Протопали солдаты, горланя строевую песню: на той стороне улицы находились Красно-Перекопские казармы. Под окном был шкаф для продуктов. Внутри его было сыро, пахло плесенью. Под шкафом стоял сундук. На нем мне предстояло спать. В комнате стоял шкаф, стол и два стула. Все это было сделано самим братом. Стояла железная кровать с медными шарами. На ней спали брат и отец. Под потолком висела тусклая электрическая лампочка. На тонкой перегородке, отделявшей нашу комнату от соседей, висела черная тарелка радиорепродуктора. В комнате была также печка. Железная труба от печки тянулась по каменной стене до потолка и уходила на кухню в общий дымоход.

Брат дал мне кусок хлеба с колбасой и стакан чаю. Колбаса была самая дешевая. Потом я узнал, что ее называли «собачьей радостью». Колбасе и чаю я обрадовался: чай был не по-деревенски сладким, а колбасу я вообще ел впервые в жизни. Потом брат ушел на работу, оставив меня одного до вечера. Отец в это время работал где-то за городом и ночевал там. Я остался один. На меня накатила невыносимая тоска. Мне захотелось немедленно бежать обратно в деревню. К счастью, прекратился дождь. Во двор высыпала целая орава детей. Сосед по квартире моего возраста зашел ко мне и позвал во двор. Во дворе меня окружили ребята. Смеялись над тем, как я одет. Называли «Ванькой». Один парень по виду старше меня года

на два и на голову выше ростом толкнул меня. Не задумываясь, я ударил его в нос. Нос я ему разбил до крови. Он заплакал и убежал жаловаться. А я сразу же завоевал уважение – этого парня во дворе не любили. Так я нарушил евангельскую заповедь непротивления злу насилем. Вместо заповеди «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую» я встал на путь выработки своей: «Спротивляйся насилию любыми доступными тебе средствами». Началась новая эпоха в моей жизни.

* * *

Время с сентября 1933-го до июня 1934 года (т. е. до летних каникул) было самым трудным в моей жизни до 1939 года. Я называю этот период первым годом ужаса. Отец был человеком совершенно непрактичным в бытовом отношении. Он варил гигантскую кастрюлю супа на целую неделю. При одном воспоминании об этом супе меня до сих пор тошнит. Один раз он где-то приобрел курицу и сварил ее с потрохами и перьями. Над этой историей потом потешались много лет наши соседи и знакомые. Уже после войны, когда мы жили в Москве, мать послала отца в больницу, чтобы оттуда присылали медицинскую сестру делать ей уколы. В больнице не поняли, в чем дело, и уколы стали делать отцу. Так продолжалось несколько дней. И опять-таки была большая потеха, когда обнаружили ошибку... И вот этому человеку надо было заботиться о ребенке, которому еще не исполнилось одиннадцати лет. Но скоро наши роли переменялись, и я сам стал заботиться о нем.

Брат в эту зиму женился и привез из деревни молодую жену. Она немедленно установила «новый порядок». В комнате стало чище и наряднее. Но на шкафах появились замочки. Нам с отцом остался общий шкаф на лестничной площадке, где мы хранили наш спасительный суп, и маленькое отделение в шкафу под окном. Отец стал спать на сундуке под окном. А мне жильцы квартиры разрешили спать на ящике для картошки, расположенном в промежутке между стенкой нашей комнаты и уборной. На этом ящике я спал почти до самого конца 1939 года. После войны, написав десятки прошений, мы добились того, что эта территория отошла к нашей комнате. Это была первая крупная победа нашей семьи в борьбе за улучшение жилищных условий.

Я быстро освоился с новой жизнью, и отец передал в мое ведение хозяйственные дела. Он отдавал мне продуктовые карточки и давал деньги. Их было совсем немного. Мне приходилось выкручиваться. Мои математические способности и природная смекалка очень пригодились. Я покупал керосин для примуса и продукты. Носил белье в прачечную. Тогда в Москве было много китайских прачечных. Потом китайцы все вдруг исчезли. Говорили, что их всех арестовали как японских шпионов. Отец часто уезжал на несколько дней, и у меня тогда образовывались «избытки» хлеба. Хлеб я продавал, а на вырученные деньги покупал тетради или какие-либо вещи. Один раз я таким путем приобрел тапочки для занятий по физкультуре, другой раз – трусы для тех же целей. Короче говоря, вплоть до приезда в Москву сестры Анны с братом Николаем (осенью 1936 года) я сам вел все хозяйственные дела, касающиеся меня и отца. Даже большие покупки, например ботинки, пальто, я делал сам. Отец иногда брал меня с собой на работу, где подкармливал в столовой, или приносил что-нибудь с собой. Сам он ел необычайно мало, никогда не употреблял алкоголь, не курил, носильные вещи приобретал только тогда, когда старые носить было уже совсем невозможно. Мы с ним довольно часто ходили в гости, где нам тоже перепало кое-что из еды. Но вообще этот год был довольно голодный для всех, и наш образ жизни не выглядел таким кошмарным, каким он кажется сейчас. На фоне всеобщей бедности наше положение не казалось сверхбедностью.

Устроить меня в школу поблизости от дома не удалось: они все были переполнены. Но нет худа без добра. Меня приняли в школу далеко от дома, на Большой Переяславской улице, зато лучшую в нашем районе. Сначала меня брать не хотели, так как я был из деревни. Я сказал,

что у нас в деревне была хорошая школа. Женщина в канцелярии школы, разговаривавшая со мной, обратила внимание на то, что я говорил совсем не по-деревенски и грамотно для такого возраста. Она решила принять меня, но не в пятый, а в четвертый класс. Я отказался. Я предложил ей дать мне математическую задачу на умножение или деление больших чисел. В это время в канцелярию зашли другие люди, возможно учителя. Один из них предложил мне умножить четырехзначное число на трехзначное. Я молниеносно сделал это в уме. Мой трюк произвел впечатление. Меня приняли в пятый класс. Начались занятия. Выяснилось, что я был подготовлен лучше, чем большинство учеников класса. Появилась уверенность в том, что я и тут буду учиться хорошо. Это уменьшило тоску по деревне и сгладило остроту переживаний из-за бытовой неустроенности. Появилась большая цель – хорошо учиться, несмотря ни на что. Потребность куда-то идти дополнилась двигателем движения – всепоглощающей целью набраться знаний, чему-то научиться и проявить себя для окружающих.

* * *

Мой первый день жизни в Москве начался с драки. Это было только начало. Тогда еще встречались беспризорники. Во многих семьях родители либо вообще не заботились о том, как ведут себя дети на улице, либо не имели возможности контролировать их. Разделение на «улицу» и «школу» было еще очень резким. Дети образовывали дворовые банды. Верховодили в них ребята, которые были старше и физически сильнее других, плохо учились, оставались на второй год или совсем бросали школу, курили, ругались матом, хулиганили и пили водку. Банды враждовали друг с другом. Иногда драки кончались увечьями. Ловили детей из враждебных банд или случайных одиночек, обыскивали, отнимали деньги и вообще все, что находили в карманах, избивали.

Существовала такая банда и в нашем дворе. И меня, конечно, попытались в нее вовлечь. Я был фактически безнадзорным, и ребятам казалось, что я предназначен быть с ними. И соседи по дому все были убеждены в том, что я стану жертвой улицы. Более того, им даже хотелось, чтобы это случилось. Слух о том, что я хорошо учусь, дошел до них. Это вызывало раздражение.

Я, однако, был воспитан в нашем «медвежьем углу» так, что уличные ребята не могли стать моими друзьями, а их поведение вызывало у меня лишь протест и отвращение. К тому же я, избегая командовать другими, сам противился попыткам других командовать мною. А заправили банды навязывали младшим и более слабым ребятам свою беспрекословную власть. Причем это порою принимало такие формы, что мне до сих пор стыдно вспоминать и тем более писать об этом. Но остаться независимым одиночкой было не так-то просто. Мне некому было жаловаться, да я и не был к этому приучен. Мне пришлось передрачиться со всеми ребятами из дворовой банды, чтобы доказать свое право на независимое положение. Драки проходили с переменным успехом. Я дрался с остервенением, и меня стали побаиваться даже более сильные ребята. Когда на нашу банду делали налеты другие банды, меня обычно звали на помощь. И я никогда не уклонялся от этого. Это тоже способствовало укреплению моей позиции. Стремление к завоеванию индивидуальной независимости стало одним из качеств моего характера, а со временем одним из принципов моей жизненной системы. Обычно я добивался успеха, не считаясь с потерями.

Однажды произошел такой случай. Я после школы пошел в булочную. Чтобы сократить путь, я пошел через проходной двор и столкнулся с ребятами из банды с соседней улицы. Они окружили меня с явным намерением обыскать, отнять карточки и деньги, а затем избить. И тут во мне сказался «зиновьевский» характер. Я предупредил, что первому, кто коснется меня, я выткну глаз, а потом пусть со мной делают что хотят. Я действительно был готов на это. Ребята поняли это, испугались, расступились, и я ушел своей дорогой. После этой истории обо мне

распространился слух, будто я – на все способный бандит, будто связан с шайкой взрослых профессиональных грабителей. Слух дошел до школы. Не в меру усердный комсорг школы по имени Павлик решил устроить из этого «дело». Однажды меня с урока вызвали в кабинет директора. В кабинете, помимо директора и заведующего учебной частью, был тот самый Павлик. На столе лежал финский нож. Павлик заявил, что этот нож был найден в кармане моего пальто – тогда в раздевалке регулярно делали обыски нашей одежды. Я сказал, что у меня в пальто вообще нет карманов. Принесли мое пальто, перешитое еще в деревне из какого-то старья. В нем действительно не было карманов. Историю замяли. Павлик потом куда-то исчез, но конечно, не из-за меня. Эта история принесла мне также и пользу. После этого было еще несколько мелких стычек, но я до окончания школы чувствовал себя в безопасности.

Стремление занять такое особое положение в коллективе, какое соответствовало моему еще только складывающемуся тогда характеру, не имело абсолютно ничего общего со стремлением приобрести какие-то привилегии и преимущества сравнительно с другими людьми. Мое стремление как раз вредило мне, приносило неприятности, лишало возможности приобрести упомянутые привилегии. Из-за него мне потом не раз приходилось выслушивать упреки в противопоставлении себя коллективу, в «буржуазном индивидуализме» и даже в «анархизме». Но мой индивидуализм не имел ничего общего с «буржуазным». Он был результатом идеального коллективизма. Он был протестом против нарушения норм идеального коллективизма в его реальном исполнении. Он был формой самозащиты индивида, принимающего достоинства коллектива, но восстающего против стремления коллектива низвести индивида до уровня безликой его частички. Некоторые идеи на этот счет читатель может найти в конце книги «Желтый дом».

Не могу сказать, что я легко отделался от влияния улицы. Мне было все-таки одиннадцать лет. Надо мною не было повседневного контроля семьи. Я порою находился на грани падения. Причем мое падение могло произойти из-за пустяка. Достаточно было оказаться замешанным в какую-нибудь хулиганскую или воровскую историю, чтобы попасть в детскую исправительную колонию. Тогда, в начале тридцатых годов, не очень-то церемонились. Однажды старшие ребята из дворовой банды подговорили нас украсть коляску с мороженым. Операция прошла успешно. В другой раз нас спровоцировали на нападение на пивной ларек. На этот раз нас забрали в милицию. Брату Михаилу пришлось приложить усилия, чтобы вызволить меня домой. Я оказался вовлеченным в такие дела не в силу некоей испорченности, а просто из мальчишеского желания показать, что не являлся трусом. Я решительно порвал близкие контакты с улицей после того, как вожаки дворовой банды попытались склонить меня к сексуальным извращениям. Это вызвало у меня глубочайшее отвращение. После этого я вообще перестал проводить время в нашем дворе и в соседних.

Школа

Мне в детстве в семье привили представление о том, что в мире существует нечто чистое, светлое, святое. Сначала воплощением этих представлений был некий религиозный Храм. Но религия была смертельно ранена. Храм был разрушен. А потребность в таком Храме осталась. А такой Храм для меня нашелся сам собой: школа.

Школа, в которой я проучился с 1933-го по 1939 год, была построена в 1930 году и считалась новой. Она не была исключением в то время. Но таких школ было еще немного. Она не была привилегированной. Но вместе с тем она была одной из лучших школ в стране. Она еще не успела стать типичной, но была характерной с точки зрения отношения к школе в те годы и с точки зрения основных тенденций в образовании и воспитании молодежи. В большинстве школ дело обстояло хуже, в некоторых школах – лучше. Но если бы нужно было описать самое существенное в советской школьной системе тридцатых (т. е. предвоенных) годов, я бы выбрал именно нашу школу как классический образец. Это дело случая, что я оказался в ней. Но думаю, что я стал тем, чем я стал, в значительной мере благодаря тому, что учился именно в такой школе.

Прежде всего – само здание школы. В предвоенные и особенно в послевоенные годы в Москве были построены сотни новых прекрасных школ. Но моя школа, ставшая к тому времени старой, осталась непревзойденной – так мне показалось, когда я перед эмиграцией на Запад пришел на Большую Переяславскую улицу в последний раз посмотреть на нее. Посмотреть на сохранившееся здание, в котором теперь помещалась школа, абсолютно ничего общего не имевшая с той, в которой я учился. Та школа исчезла навсегда в прошлое. Если здание школы прекрасно выглядело в 1978 году среди новых высоких домов, то как же она должна была восприниматься в тридцатые годы в окружении жалких домишек (в основном деревянных и полуразрушенных), построенных еще задолго до революции?! В особенности для тех из детей, кто жил в тесных и мрачных комнатухах в сырых подвалах и деревянных развалюхах, школа казалась прекрасным дворцом будущего коммунистического общества.

1933-й и 1934 годы были голодными. Минимум продуктов питания можно было получить только по карточкам. В школе дети из самых бедных семей получали бесплатный завтрак, а прочие могли кое-что покупать по сниженным ценам в буфете. Для меня эти школьные завтраки в течение трех лет были весьма серьезным подкреплением. Были они, конечно, убогими. Но в дополнение к тому, что мне удавалось съесть дома, они сохранили мне жизнь. В школе мне также выдавали иногда ордера на одежду и обувь – особые бумажки с печатями, по которым я мог очень дешево купить рубашку, ботинки или брюки в особых магазинах. Несколько раз мне выдавали рубашки и обувь бесплатно. Для этого требовалось особое решение родительского и педагогического совета. Физически слабых от недоедания детей иногда направляли в однодневные дома отдыха, где можно было получить еду. Бывал в таких домах и я. В школе постоянно организовывали всякого рода экскурсии – в зоопарк, в ботанический сад, в планетарий, в многочисленные музеи. Часто во время таких экскурсий нас поили чаем с сахаром и давали бутерброды с сыром или колбасой.

Уровень преподавания в школе был чрезвычайно высоким. Я думаю, что к концу тридцатых годов советская школа в той ее части, в какую входила наша школа, достигла кульминационного пункта. В послевоенные годы во многих отношениях началась деградация школьной системы образования и воспитания. В тридцатые годы школьный учитель еще оставался по традиции одной из самых почетных фигур общества. Учителя были высококвалифицированными и энтузиастами своего предмета. И нравственный их уровень был очень высоким: они служили образцом для молодежи.

* * *

Приобщение к культуре на первых порах происходило для меня также через школу. Это упоминавшиеся выше экскурсии, различного рода кружки, коллективные походы в музеи, в кино и в театры. В нашей школе был драматический кружок. Руководил им профессиональный артист одного из московских театров Петр Крылов. Кружок был очень серьезный. На смотрах художественной самодеятельности Москвы он систематически занимал призовые места. В его репертуаре были такие пьесы, как «Борис Годунов» Пушкина и «Горе от ума» Грибоедова. Но преобладали пьесы советских драматургов. Очень успешно была поставлена «Любовь Яровая» Тренева. Одна постановка (называлась пьеса «Ошибка инженера Кочина») сыграла роковую роль в моей жизни, о чем я расскажу потом. В школе часто устраивались концерты самодеятельности. Помимо членов драматического кружка в них принимали участие дети, обучавшиеся искусству в других местах – в кружках при музыкальных и танцевальных школах, в Доме пионеров (предшественнике Дворца пионеров). На уроках литературы уделялось серьезное внимание художественному чтению. Некоторые ученики хорошо читали Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского. Один парень из соседнего класса прекрасно сыграл роль Гулливера в кинофильме. Он был убит во время войны. Другой потрясающе играл комические роли в инсценировке чеховских рассказов. Он поступил потом в театральное училище. Но во время войны умер от туберкулеза.

Я тоже попробовал артистическую карьеру, но неудачно. Я принимал участие в постановке пьесы про классовую борьбу в США. Пьеса называлась «Бей, барабан!». Моя роль была без слов: я изображал пионера, которого убивал полицейский. Над моим телом американские юные революционеры произносили речи. Затем меня укладывали на импровизированные носилки и торжественно уносили со сцены под грохот барабана. Однажды я схватил насморк. В тот момент, когда я лежал якобы мертвый и в зале и на сцене наступила гробовая тишина, я громко шмыгнул носом. В зале начался смех, а когда меня уносили, я громко чихнул. На этот раз рассмеялись и артисты. Меня уронили, и я сам ушел со сцены под общий хохот в зале. На этом моя артистическая карьера закончилась.

В школе был кружок рисования. Руководил им студент какого-то художественного училища (по имени Женя). Была специальная комната для занятий кружка. В обязанности этого студента входило также художественное оформление школы – лозунги, плакаты, стенды к важным датам с композициями фотографий и вырезок из журналов и газет. У нас были также уроки рисования. Учитель рисования также принимал участие в художественном оформлении школы. Наша школа с этой точки зрения была лучшей в районе и одной из лучших в Москве. Десятки способных к рисованию учеников были вовлечены в это дело. В школе, кроме того, была Ленинская комната – небольшая комната, в которой собиралось все, что касалось Ленина. Оформлением ее заведовал также упомянутый студент. Меня в кружок рисования не взяли, так как я не стремился к точному изображению предметов. У меня получались скорее карикатуры на предметы и на людей.

У нас были даже уроки музыки. Учитель, заметив, что у меня не было ни голоса, ни слуха, но что я что-то постоянно рисовал, предложил мне «рисовать музыку», т. е. изображать в рисунках то, как я воспринимал музыку. Я целый учебный год усердно занимался этим. Учитель коллекционировал мои рисунки и рассказывал нам непонятные вещи о соотношении звуковых и зрительных образов. Учитель был стар. На следующий год он умер и уроки музыки прекратились, но появился музыкальный кружок. В него я, конечно, не записался по причине, о которой уже говорил выше.

Наконец, в школе были прекрасно организованы спортивные уроки и спортивные внеурочные секции. Ученики нашей школы неоднократно становились чемпионами страны по

гимнастике среди юношей. Я еще в деревне здорово бегал, прыгал и плавал. И в Москве я обнаружил хорошие спортивные способности в легкой атлетике, а также в бегании на лыжах на большие дистанции. Но заниматься в спортивных секциях не стал из отвращения к соревнованиям всякого рода.

Большинству учеников школа давала то, что они не имели в семьях. Родители их были, как правило, плохо образованными. Они испытывали уважение к своим более культурным детям, надеялись на то, что образование выведет их детей на более высокий социальный уровень. Тогда многие делали стремительные взлеты на вершины общества в самых различных сферах. Казалось, что это становится общедоступным. Выпускники школ практически все (за редким исключением) могли поступить в институты. Для них проблемой был выбор института, соответствующего их способностям и желаниям. Хотя нам всячески прививали идеологию грядущего равенства, большинство учеников воспринимали школу как возможность подняться в привилегированные слои общества. Хотя все с почтением говорили о рабочем классе как о главном классе общества, рабочими мало кто хотел быть. Лишь самые неспособные и испорченные улицей дети шли в рабочие. Эта возможность подняться в верхи общества в гораздо большей степени делала жизнь радостней и интересней, чем идеи всеобщего равенства, в которые мало кто верил.

Идейное воспитание

Тридцатые годы были самыми мрачными и, одновременно, самыми светлыми в советской истории. Самыми мрачными в смысле тяжелых условий жизни масс населения, массовых репрессий и надзора. Самыми светлыми по иллюзиям и по надеждам. Мы получили широкое общее образование, включившее знакомство с мировой историей и достижениями мировой культуры. Нас воспитывали в духе гуманизма и идей лучших представителей рода человеческого в прошлом. Нам старались привить высокие нравственные принципы. Что из этого вышло на деле – другой вопрос. Реальность оказалась сильнее прекраснотных пожеланий и обещаний. И из смещения благих намерений и их воплощения в жизнь родились чудовища и уроды, герои и страдальцы, палачи и жертвы.

Многие представители моего поколения восприняли обрушенный на них поток высоко-нравственных наставлений и многообещающих идей вполне искренне и серьезно. Большинство идеалистов такого рода погибло на войне или в сталинских лагерях. Кое-кто превратился в бунтаря против той реальности, которая оказалась в вопиющем противоречии с его нравственными и социальными идеалами. Я оказался в числе этих немногих чудом уцелевших бунтарей.

Значительную часть нашего образования составляло изучение революционных идей и событий прошлого, вольнодумства, протестов против несправедливости, бунтов, восстаний, борьбы против мракобесия и т. д., короче говоря – всего того, что было проявлением восстания против существовавшего порядка вещей. Героями нашей юности становились люди вроде Спартака, Кромвеля, Робеспьера, Марата, Пугачева, Разина, декабристов, народников и, само собой разумеется, большевиков. Вся история человечества во всех ее аспектах преподносилась нам как борьба лучших представителей рода человеческого против неравенства, эксплуатации, несправедливости, мракобесия и прочих язв классового общества, как борьба их за претворение в жизнь самых светлых и благородных идеалов.

Нам рекомендовали книги, героями которых были борцы против язв прошлых общественных устройств. И мы читали эти книги с удовольствием. Даже книги о революции, Гражданской войне и о последующей советской истории были построены так, что герои их выдерживали борьбу против каких-то темных сил и вообще морально порицаемых явлений. Эти герои создавались по образу революционеров прошлого. Поскольку советское общество считалось конечным результатом всей прошлой борьбы за счастье человечества и высшим продуктом всей предшествовавшей истории, нашим воспитателям даже в голову не приходила мысль о том, что все революционные идеи прошлого могут быть обращены на советское общество, что последнее может само стать предметом протеста и источником бунта. Так что когда я во время допроса на Лубянке в 1939 году высказал следователю, допрашивавшему меня, эту мысль, он просто оторопел от неожиданности.

Легко быть умным и смелым задним числом, глядя на прошлое с высоты наших дней. Теперь многие удивляются, как это люди в те годы позволили себя обмануть. При этом эти умники и смельчаки не замечают того, что сами по уши погрязли в обмане и самообмане иного рода, в современном обмане. И одним из признаков современного самообмана является то, что идейное состояние советских людей прошлого рассматривается ими как обман и самообман. Я утверждаю категорически, что в таком грандиозном процессе, какой пережила страна, имели место бесчисленные случаи обмана и самообмана, но процесс в целом не был обманом и самообманом. Дело обстояло вовсе не так, будто какая-то кучка людей на вершине общества хорошо понимала реальность и преднамеренно вводила людей в заблуждение, будто среди обманываемых было много таких, которые тоже все понимали, но принимали участие в обмане, извлекая для себя выгоду. Реальная история огромной страны не имеет ничего общего с таким взглядом на нее как на результат интрижек, своекорыстных махинаций и криминальных действий.

В реальности происходило формирование нового человека, адекватного новым условиям существования. Когда речь идет о многомиллионных массах людей, бессмысленно рассчитывать на то, что идеологическое воспитание сделает людей именно такими, как хочется воспитателям, и сделает такими всех. В воспитании масс людей принимает участие множество факторов. Их воздействие на людей различно, порою противоположно по результатам. И лишь какая-то часть людей поддается обработке в желаемом духе. Если не все в людях становится таким, как хотелось бы, и если не все люди становятся такими, как хотелось бы, это не означает, что система воспитания потерпела крах. Эффективность системы воспитания масс оценивается по тому, что она все-таки внесла в общий процесс формирования сознания людей и какую роль этот вклад сыграл в историческом процессе в данную эпоху. Я утверждаю, что система идейного воспитания, сложившаяся в стране после революции и достигшая расцвета в тридцатые годы, блестяще выполнила ту историческую задачу, которая на нее и возлагалась объективно. Благодаря этой системе достаточно большое число людей было сделано таким, как требовалось обстоятельствами, и массы людей были приведены в такое состояние, какое требовалось этими обстоятельствами. То, что в стране было сделано в смысле социальной, экономической и культурной революции, было бы невозможно без идейного воспитания масс людей. И что бы ни говорили о поведении миллионов людей в период войны, якобы свидетельствующем о крахе советской системы и идеологии, на самом деле именно война была самой показательной проверкой эффективности мощнейшей системы идейного воспитания тех лет.

* * *

Говоря так, я вовсе не хочу петь дифирамбы этой системе. Я хочу лишь обратить внимание на то, с каким могучим механизмом обработки сознания людей я имел дело в те годы. Перенеситесь мысленно в прошлые годы, в условия тридцатых годов! И представьте себя мальчишкой, живущим в массе людей, охваченным грандиозными иллюзиями и столь же грандиозным страхом усомниться в них, испытывающим на себе ежечасно и ежедневно действие гигантского механизма идеологической обработки! Это теперь, когда лавина истории уже пронеслась и вы смотрите на прошедшее, находясь в полной безопасности и имея сведения о том, что причинила лавина, можно позволить себе смотреть на все свысока и с насмешкой. А что было бы с вами, если бы вы, ничтожная песчинка, оказались на пути великой лавины истории?! Я был такой ничтожной песчинкой. Я еще не знал, что я сам есть такое, в какой исторической ситуации оказался, что из себя представлял исторический поток, захвативший меня, я был одним из бесчисленных объектов воздействия общества – объектом воспитания и самовоспитания гигантского социального организма с гигантской системой обработки сознания людей.

Механизм идейного воздействия на человека не сводился к специальным учреждениям и людям, к специальным урокам и словам. Дело в том, что он пронизывал все мое социальное окружение, организовывал буквально всех людей на это дело. Этим была пронизана вся жизнь, и уклониться от этого было невозможно даже при желании. Но и желания этого не было. Когда у меня созрело желание пойти против этого всеобщего потока, я все-таки сумел чего-то добиться. Но тогда, в 1933 году и первые годы жизни в Москве, я, как и все, был во власти этого потока. Более того, я был захвачен, может быть, даже сильнее других из-за того тяжелого положения, в каком оказался в Москве. Психологически коммунизм есть идея нищих, не способных избавиться от своей нищеты. А я был нищим среди нищих.

Новое коммунистическое общество мыслилось как воплощение всех мыслимых добродетелей и полное отсутствие всех мыслимых зол. И адекватный этому общественному раю человек представлялся неким земным святым, неким коммунистическим ангелом. Из нас на самом деле хотели воспитать таких коммунистических ангелов. Кто мог тогда знать, что реальностью таких ангелов являются дьяволы?! Кто мог тогда думать о том, что существуют объек-

тивные законы социальной организации, независимые от воли и желания высших руководителей?! Их и сейчас-то не хотят признать даже специалисты. Так что уж говорить о миллионах людей, имеющих для этого слишком слабое образование, и об их вождях, не заинтересованных в познании этих законов! А объективные законы жизни коммунистического общества делали свое неумолимое дело, внося свою долю в воспитание людей. Они вынуждали миллионы людей приспособляться к новым условиям бытия, игнорируя призывы вождей и идеологических наставников становиться коммунистическими ангелами. Лишь чудом выживавшие одиночки становились жертвами конфликта между прекрасными идеями и жуткой реальностью, вынуждались на бунт, бунт иррациональный, бунт отчаяния. Таким одиночкой волею судьбы оказался я.

Проблемы коммунизма

Отменили карточную систему. Регулярно снижались цены на продукты питания. Появились предметы ширпотреба (одежда, обувь, кухонная утварь и т. д.). Жизнь становилась интересной и насыщенной. Мы ходили на демонстрации, участвовали в пионерских сборах и во всякого рода общественных мероприятиях (сбор металлического лома и макулатуры, посадка деревьев). Нам показывали новые фильмы, которые с пропагандистской точки зрения были сделаны превосходно. Они производили впечатление даже на Западе. А для нас они были праздниками. Я сам посмотрел раз двадцать фильм «Чапаев» и десять раз «Мы из Кронштадта». Нам устраивали чтение новых книг советских писателей. Книга Николая Островского «Как закалялась сталь» стала своего рода учебником коммунистического воспитания молодежи. Все важнейшие события в жизни страны становились событиями нашей личной жизни. Начавшаяся реконструкция Москвы воспринималась нами не как разрушение памятников старины и архитектурное обезображивание города, а как явное улучшение вида города и условий жизни в нем. При мне снесли знаменитую Сухареву башню и башни водопровода у Рижского вокзала, уничтожили бульвары Садового кольца и Первой Мещанской улицы. И даже это мы воспринимали как неслыханный прогресс. Около нашего дома сломали церковь. На ее месте построили здание художественно-промышленного училища. Одним словом, жизнь страны, преподносимая нам в героически-романтическом духе, становилась важнейшим элементом нашей личной жизни и оттесняла куда-то на задний план все реальные ужасы и трудности. И сталинские репрессии мы воспринимали как продолжение революции и Гражданской войны. Впрочем, моего окружения они тогда не коснулись почти совсем. В соседнем доме арестовали инженера, затем – его преемника. Но это никакого эффекта не имело. Политические процессы после убийства Кирова мы воспринимали как спектакли и ждали новых представлений такого рода.

После принятия новой Конституции в 1936 году у нас в школе ввели специальный предмет – изучение Конституции. Учителем у нас был аспирант Московского института философии, литературы, истории (сокращенно МИФЛИ) по фамилии что-то вроде Яценко.

Автором Конституции решили считать Сталина. На уроках мы изучали доклад Сталина о Проекте Конституции. А с 1937 года мы стали изучать «Краткий курс истории ВКП(б)», точно так же приписывавшийся Сталину. Особенно тщательно мы изучали раздел «О диалектическом и историческом материализме». В качестве дополнительной литературы мы читали «Вопросы ленинизма» Сталина. Я занимался всем этим с большим интересом. Уже в школе я прочитал многие сочинения Маркса и Энгельса помимо «Коммунистического манифеста», который мы были обязаны знать по программе. Этот мой интерес к марксизму был частью моего общего интереса к философии и социально-политическим проблемам. Новым тут было то, что я уже начал искать теоретическое объяснение наблюдаемых мною явлений жизни, а марксизм-ленинизм претендовал именно на это, т. е. на то, чтобы быть самой высшей наукой о реальности. Мне потребовалось два года для того, чтобы понять, что многие вопросы, возникшие у меня, он оставлял без ответа, а на другие давал ответ ложный. Сталинские работы, с одной стороны, облегчали мне входение в марксистские тексты, довольно путанные, а порою нарочито заумные. Но с другой стороны, уже тогда я (и не только я) замечал их вульгарность и даже нелепость. В них марксистские идеи доводились до вульгарной абсурдности и давали повод для насмешки и непочтительного отношения к святыням марксизма.

Наш учитель был очень доволен моим интересом к марксизму. Это от него я впервые узнал о существовании МИФЛИ. Он давал мне списки философских книг, изучавшихся студентами философского факультета, разъяснял (конечно, в меру своих познаний) непонятные места. По его совету я прочел самые легкодоступные книги в марксизме – «Диалектику при-

роды» и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. У меня появился вкус к диалектике как к способу мышления, но не в упрощенном сталинском смысле, а в смысле, более близком к гегелевскому и марксовскому. В десятом классе я прочитал первые разделы «Капитала» Маркса. В моих разговорах я постоянно упражнялся в «диалектических фокусах», как шутили соученики. Учитель сказал как-то, что я – прирожденный диалектик, и посоветовал после окончания школы поступить на философский факультет МИФЛИ. Я об этом тоже начал подумывать, но твердого решения у меня еще не было.

Самый главный итог моего первого знакомства с марксизмом заключался в том, что я преодолел священный ужас перед высотами марксизма, сковывавший других. Я увидел, что марксистские тексты ничуть не труднее тех философских произведений, которые мне уже довелось читать, и что в них обнаруживались довольно простые идеи. А главное, я почувствовал в себе способность рассуждать диалектически о реальных проблемах. Такие категории диалектики, как «причины», «законы», «тенденции», «сущность», «явление», «содержание», «форма», «противоположности», «отрицание отрицания» и т. д. вошли в аппарат моего мышления как элементы определенного подхода к проблемам реальности.

* * *

Проблемы коммунизма встали перед моим поколением совсем иначе, чем перед мечтателями, идеологами и революционерами прошлого. И даже совсем иначе, чем перед теми, кто практически участвовал в революции, в защите нового строя от попыток контрреволюции и интервентов уничтожить его и в первых опытах построения этого строя на практике. Особенность нашего положения состояла в том, что мы родились уже после революции и Гражданской войны. Стали сознательными существами, когда основы нового общества уже были заложены, самая черновая работа была выполнена. Мы явились в мир, в котором коммунистический социальный строй уже стал реальностью. Вместе с тем еще очень свежими были воспоминания о дореволюционном времени, о революции и обо всем том, что происходило непосредственно после нее. Мы встречались и разговаривали с живыми участниками недавнего героического прошлого. У нас в школе, например, побывали легендарная Анка-пулеметчица из Чапаевской дивизии, писатели А. Фадеев и А. Гайдар, герой Гражданской войны комкор Ока Городовиков и другие. Тогда такие встречи проходили повсюду и часто. Участники недавних реальных и легендарных событий вовлекали нас в их прошлую жизнь настолько настойчиво и эффективно, что их жизнь становилась и частью нашей жизни. Мы духовно жили не столько в настоящем, сколько именно в этом прошлом. Мы об этом прошлом получали сведений (информации и дезинформации) больше, чем наши предшественники, активно действовавшие в нем. Осмысление революции и ее итогов достигло масштабов массового осмысления именно к тому времени, когда мы стали способными воспринимать продукты этого осмысления. Лишь к этому времени все средства культуры и пропаганды достигли мощи хорошо организованного аппарата воспитания нового человека. И мы стали объектом беспрецедентного в прошлом действия этой идеологической силы. Не знаю, как на самом деле переживали происходившие события люди в прошедшие годы, в том числе такие, как Фадеев, Маяковский, Гайдар, Островский, Фурманов, Шолохов, Серафимович, Багрицкий и многие другие. Но их литературные герои создавались на наших глазах. Создавались для нас, а не просто как документальные воспоминания о прошлом.

Но осмысление революции и ее первых исторических итогов происходило не как некое академически-беспристрастное познание явлений природы. Это был живой процесс жизни, полный драматизма, конфликтов, жестокостей, насилия, обмана. К началу тридцатых годов было в основном завершено уничтожение или, по крайней мере, нейтрализация фактических деятелей революции и Гражданской войны. Реальное коммунистическое общество стало скла-

дываться совсем не таким и не так, как о том мечтали в прошлом. Происходил грандиозный процесс не просто осмысления прошлого, но процесс создания идеологической картины прошлого, которая служила бы интересам настоящего. Прошлое входило в нашу жизнь не только в его романтическом виде, но в идеологически переработанном виде, входило как грандиозная ложь, впитавшая в себя соки правды. Существенно здесь не только то, что прошлое фальсифицировалось и реальность приукрашивалась, но также и то, что фальсифицировалось прошлое определенного рода и реальное прошлое, а приукрашивалась все-таки реальность коммунизма, вышедшая за рамки сказок и мечтаний. Не ведая об этом и не желая этого, наши воспитатели привлекали наше внимание к проблемам коммунизма в самом опасном и неприятном для идеологии власти смысле, а именно в смысле постановки общей и принципиальной проблемы сущности реального коммунистического социального строя, как такового, и его реальных перспектив. Как следствие встала проблема отношения к идеологии коммунизма.

Эти проблемы возникали еще непроизвольно и неосознанно. Более того, даже для самых скептически и критически настроенных из нас эти проблемы выступали сначала не в форме отрицания идеалов и практики коммунизма, а в форме защиты хороших идеалов и хорошей практики от ошибок, искажений и уклонений. Отрицание идеалов и дел коммунизма в тех условиях отбросило бы нас назад, в ряды контрреволюционеров и антикоммунистов. Для нас и речи быть не могло о движении назад и о создании в стране капиталистических порядков. Мы родились в коммунистическом обществе. Нас воспитали в духе коммунистической идеологии. Для нас возникала проблема будущего в рамках коммунизма и будущего самого коммунизма.

Оказавшись на Западе, я вел бесчисленные разговоры с моими читателями и слушателями на эти темы. Для западных людей, как я убедился, такой поворот сознания и проблем вообще остается совершенно непонятным. Они мыслят по принципу «либо то, либо другое», т. е. либо коммунистическая система, либо западная «демократия». Они не жили в условиях реального коммунизма как исторически данного факта, причем в его юношеском состоянии. Если же исходить из коммунизма как данности, то критическое отношение к ней не обязательно предполагает сравнение с Западом. Отрицание этой данности не обязательно означает желание заменить ее западной социальной системой. Это новое явление, специфический продукт уже коммунистической жизни. Чтобы понять эти явления хотя бы в первом приближении, надо принять допущение, будто коммунизм победил во всем мире, и вообразить себе людей, отрицающих это общество, но не имеющих шансов и намерений вернуться в прошлое.

* * *

В старших классах школы мы много разговаривали и спорили на темы коммунизма в связи с тем, что нам преподносили в школе и что мы вычитывали из книг. Лишь немногие и в очень малой степени обращались к реальности как к материалу для критических суждений. Но реальность все-таки вторгалась в наши мысли, слова и чувства. Я вспоминаю два больших диспута в школе, специально посвященные теме социализма и полного коммунизма. Один диспут был в классе, другой – в масштабах всей школы. На школьный диспут отобрали учеников, хорошо проявивших себя на уровне классных диспутов. Это было чистой показухой. Но классный диспут вышел из-под контроля преподавателей. Спор начался из-за того, как понимать принцип полного коммунизма «каждому по потребностям». Любые ли потребности имеются в виду или только некоторые, допустим, самые минимальные? Как определяются эти потребности, кто их устанавливает и как контролируется их удовлетворение? Такие вопросы поставил я, считавшийся лучшим учеником именно в этой дисциплине. Началась беспорядочная перепалка. Как ученики, так и преподаватели запутали ясные вопросы в чисто идеологическое словоблудие. Меня на школьный диспут не допустили.

Герои моих литературных произведений довольно часто разговаривают на темы о коммунистическом обществе и о коммунистической идеологии. Эти места моих книг производят впечатление юмора, сатиры и нарочитого гротеска. Отчасти это действительно так. Но лишь отчасти. В основном же это есть описание реальных разговоров, которые велись тогда и позднее в наших кругах. Они не имели целью насмешку над предметом дискуссий. Но сам предмет был таков, что насмешка получалась неизбежно.

Предвоенный призыв

Среднюю школу я окончил в 1939 году с «золотым» аттестатом. В стране началась явная подготовка к войне с Германией. То, что война скоро начнется и что это будет война именно с Германией, в этом были уверены все. Мальчиков, окончивших школу, которым было уже восемнадцать лет и которые были здоровы, сразу же призывали в армию. По всей вероятности, решение властей было суровым, и мало кому удавалось уклониться от призыва. Кроме того, патриотические настроения среди молодежи были очень сильными, и многие из тех, кто мог уклониться, не использовали свои возможности. Наиболее разумные ребята заранее подали заявление в военные учебные заведения, а также в школы органов государственной безопасности («органов»). Некоторым из них повезло – один со временем (уже после войны) стал генералом, другой полковником, третий – комендантом лагеря строгого режима. Но большинство погибло на фронте.

Провожали призванных в армию очень торжественно. Каждому подарили чемодан и мелкие вещички вроде записных книжек, конвертов и бумаги для писем, кружек и ложек. Произносились речи. На проводах присутствовали участники Гражданской войны, офицеры из Московского гарнизона, отличившиеся пограничники. Вскоре от призванных пришли письма. Все оказались либо на Дальнем Востоке (опасность нападения Японии), либо на западной границе (опасность со стороны Германии)...

Для меня признанные возрастные категории (детство, отрочество, юность, зрелость) имели лишь формальный временной смысл. Мне пришлось начать образ жизни взрослых уже в детстве, участвуя в их труде отнюдь не в качестве ребенка. Уже в одиннадцать лет мне пришлось думать о том, как раздобыть еду и одежду. С шестнадцати лет я оказался в таком отношении с обществом, какое мыслимо лишь в зрелом возрасте, да и то в порядке исключения. В семнадцать лет я стал государственным преступником, разыскиваемым по всей стране могучими карательными органами. Так что если рассматривать жизнь человека по существу, т. е. с социологической, психологической, педагогической и идеологической точек зрения, то я могу констатировать следующее: у меня не было беззаботного детства, не было переломного отроческого возраста, не было романтически чистой юности. Был какой-то возрастной хаос, отразивший в себе хаос исторической эпохи. И ту жизнь, которая началась у меня 29 октября 1940 года, я никак не могу отнести к категории зрелости. С восемнадцати до двадцати четырех лет я был в армии и не заботился о еде, одежде, ночлеге. Были, разумеется, какие-то тревоги и заботы, я о них расскажу. Но они не были специфически возрастными. В двадцать два года я женился. Но даже это не было действием взрослого человека. Ему нет объяснения в рамках возрастных норм. В 1946–1954 годы я был студентом и аспирантом университета. И даже эти годы, по одним критериям попадая в возраст зрелости, по другим могут быть отнесены к возрасту юности. И потом вплоть до сорока лет я считался молодым человеком.

В 1948–1976 годы мне пришлось работать учителем в школах и профессором в высших учебных заведениях, пришлось растить собственных детей. Передо мною в изобилии был материал для наблюдений за эволюцией людей в нормальных советских условиях. Должен сказать, что, по крайней мере, для значительной части советских людей возрастной хаос стал обычным явлением. В послевоенные годы отпала необходимость для детей разделять образ жизни взрослых. Зато ускорился процесс интеллектуального, психологического и физиологического созревания. Тот возраст, начиная с которого молодые люди осознают себя взрослыми, с одной стороны, стал начинаться раньше, а с другой стороны, отодвинулся для многих далеко за двадцать лет. Значительно раньше люди стали начинать сексуальную жизнь, причем независимо от семейных отношений. Рано стали получать образование, какого раньше не получали и в зрелом возрасте. Вместе с тем люди значительно позже стали начинать самостоятельную жизнь,

независимую от родителей. В стране имеются сотни тысяч молодых людей в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, чувствующих себя юношами и поступающих порою даже по-детски. А в некоторых отношениях состояние детскости вообще становится характерным для всего населения коммунистической страны. Аппарат власти, идеологии, пропаганды обращается с людьми до самой их смерти как с материалом для воспитания и просвещения. Положение индивида в коллективе точно так же превращает его в объект воспитательных мероприятий. Миллионы людей всю жизнь чему-то учатся и постоянно выслушивают поучения вышестоящих. Руководители общества вообще претендуют на роль отцов и наставников подвластных детей-сограждан.

Таким образом, написав, что 29 октября 1940 года закончилась моя юность, я не могу сказать, какой возрастной период у меня начался. Да и закончившийся период я с некоторой натяжкой могу назвать юностью.

Армия

Модель общества

Если бы я имел изначальной целью жизни достижение успехов в науке или искусстве, я счел бы годы, проведенные в армии, потерянными. Но я такой цели не имел. Я имел причины и мотивы для моего поведения. Но они были такими, что исключали ясность цели. Вернее говоря, цель появилась, но по самой своей сущности она была неопределенной и неясной. Я вынуждался на конфликт со своим обществом и на индивидуальный бунт.

У меня появилось желание понять свое общество. Но оно не было желанием ученого, не было чисто академическим. Оно было элементом моего конфликта и бунта. Мой антисталинизм носил весьма символический и бунтарский характер. Я не рассчитывал не то что на какой-то успех в творческой деятельности, но даже на то, чтобы выжить. Я просто жил, как меня вынуждали к тому обстоятельства. Я наблюдал жизнь и размышлял просто потому, что был рожден для этого, но отнюдь не в интересах будущих книг. Лишь постфактум, лишь оглядываясь назад, я могу сказать, что годы армии и войны не пропали для меня даром. Они стали для меня фактически школой (если еще не университетом) будущей философской, социологической и литературной деятельности.

Всякая армия отражает в себе основные свойства своего общества. Не была на этот счет исключением и Советская армия. Но тут имело место одно существенное отличие отношения армии и общества, связанное с тем, что общество является коммунистическим. Самым фундаментальным (базисным) социальным отношением этого общества является отношение начальствования и подчинения, имеющее много общего с армейским отношением начальников и подчиненных. Так что любая армия вообще, а Советская армия в особенности, может служить моделью коммунистических социальных отношений. Прослужив в армии много лет, я чисто опытным путем досконально изучил все аспекты армейской жизни. Впоследствии это облегчило мне изучение специфически коммунистических отношений советского общества и обобщение результатов моих наблюдений. Думаю, что ту же роль для меня мог бы сыграть исправительно-трудовой лагерь, если бы я попал туда и выжил.

Меня всегда поражало то, как же хорошо образованные люди, наблюдавшие грандиозные социальные явления и располагавшие огромным фактическим материалом, ухитрялись делать на этой основе мелкие, поверхностные или заумно-бессмысленные выводы. Я самими обстоятельствами моей жизни и моими взаимоотношениями с моим окружением вынуждался на нечто противоположное этому: на большие и бескомпромиссно четкие обобщения, основанные на наблюдении сравнительно небольшого числа «мелких» явлений. Со временем я открыл для себя, что с социологической точки зрения именно эти «мелкие» пустяки являются грандиозными основами исторического процесса, а внешние грандиозные явления суть лишь его поверхностная пена. Положения диалектики об отношении сущности и явления, содержания и формы тут, как нигде, оказались кстати.

На мою долю выпали также годы войны. Всякая война так или иначе проявляет существенные свойства общества, ведущего войну. Не является на этот счет исключением и война 1941–1945 годов с Германией. Но опять-таки тут есть одно обстоятельство, сделавшее эту войну поразительно точной моделью поведения советского общества в трудных ситуациях. Коммунистический социальный строй в России сложился в условиях развала Российской империи и краха царизма – в условиях исторической катастрофы. И сложился он как средство выжить в условиях этой катастрофы. В войну с Германией 1941–1945 годов коммунистический социальный строй обнаружил свою удивительную способность выживать и укрепляться

именно в тяжелых условиях. Для этого строя, как такового, более благоприятными оказались не условия благополучия, а именно условия преодоления трудностей, близких к состоянию катастрофы. Так что война 1941–1945 годов с социологической точки зрения может служить общей моделью поведения коммунистического общества в исторически трудных условиях. Она обнаружила все достоинства и все недостатки этого типа общества с точки зрения исторического выживания. Мне довелось наблюдать эту модель во всех ее основных аспектах и во все важнейшие ее периоды.

Армия есть организация большого числа людей в единое целое. Но армия ничего не производит. Она лишь потребляет произведенное другими. Она не производит не только материальные ценности, но и культуру и идеологию. Армия сама не воспроизводит человеческий материал. Короче говоря, армия может служить моделью коммунистических отношений лишь в самой абстрактной и упрощенной форме. Но дело в том, что советская армия не была изолирована от остального общества, а во время войны страна вообще превратилась в военный лагерь. Это сделало армию чрезвычайно удобным местом для наблюдения общества в целом.

Армейская жизнь

С первых же минут новой жизни обнаружилось, что принципы реальной коллективной жизни (впоследствии я их назвал принципами коммунального поведения или коммунальности), которые людям прививаются самим образом жизни, имеют гораздо большую силу, чем принципы идеального коллективизма, которые нам старались привить на словах. Как только появилось начальство и нас стали разбивать на группы, сразу же заявили о себе претенденты на роль начальничков из нашей же среды. Они вертелись на глазах у начальства эшелона, всячески давая им понять, что они суть именно те выдающиеся индивиды, которых следует назначить старшими групп. И удивительное дело, начальство сразу же заметило это, и именно эти рвущиеся к власти (пусть самой маленькой) прохвосты были назначены старшими по вагонам. Они немедленно обросли холуями, всячески угождавшими им и тоже претендовавшими на какую-то мизерную долю власти и привилегий, связанных с властью. Думаю, что наблюдение таких сцен спонтанного социального структурирования множества людей, вынужденных длительное время жить вместе, дало мне неизмеримо больше для понимания реального коммунистического общества, чем многие сотни томов специальной литературы, прочитанных мною в университетские и последующие годы.

Я наблюдал такие сцены вовсе не как беспристрастный социолог, а как человек, уже начавший делать самого себя по определенным идеальным образцам. Я и в школе никогда не лез на глаза учителям, не подлизывался к ним, не тянул руку, чтобы показать, что я что-то знаю лучше других. Этому правилу я следовал не из стеснительности, нерешительности, скромности и прочих качеств, занижающих социальную активность человека, а из презрения к мелкой житейской суете. Я просто знал, что потери от моего такого поведения не вели к катастрофе, а выгоды от противоположного поведения не возвышали меня над толпой. Этому правилу я решил следовать и в армии. Только теперь это принимало более серьезный характер. Школа считалась лишь подготовкой к жизни, а тут была сама жизнь. Вознаграждением за поведение здесь были не отметки в дневнике и в аттестате, а нечто более серьезное: кусочки жизненных благ и преимущества перед другими. Тут происходило разделение людей на социальные категории. Пусть это происходило на самом примитивном уровне, но суть этого была та же самая, что и на всех более высоких ступенях социальной иерархии. С этой точки зрения один член Политбюро ЦК КПСС, отпихивавший другого члена Политбюро, чтобы стать Генеральным секретарем, мало чем отличается от солдата Иванова, оттолкнувшего солдата Петрова, чтобы стать старшим по вагону.

В первый же час новой жизни у меня произошло столкновение со старшим по вагону. Увидев, что я не принимал участия в сражении за лучшие места на деревянных нарах, он решил, что я являюсь тьюфяком, т. е. самым податливым материалом для проявления его начальнических амбиций, – ошибка, которую в отношении меня потом делали многие другие. Он начал вести себя по отношению ко мне так, как будто он был всамделишным армейским старшиной: потребовал, чтобы я встал перед ним по стойке «смирно!» и все такое прочее. Я сказал ему, что в командиры его я не выбирал, что присягу я еще не принимал, что он превышает свои полномочия. Он начал кричать на меня и угрожать отправить в арестантский вагон (как оказалось, такой на самом деле был в эшелоне). Я схватил полено, лежавшее у печки, и сказал этому самозваному «командиру», что, если он еще раз крикнет на меня, я ударю его поленом по голове, что я вообще никому не позволю унижать себя, даже самому Сталину. Ребята одобрили мое поведение. Парень испугался. После этого он умерил свои командирские замашки. А передо мною даже стал заискивать – стремление командовать обычно прекрасно уживается с холуйством.

Такого рода «бешеные» вспышки со мной случались и в дальнейшем несколько раз. Один случай был особенно скверным. Я был дежурным по столовой полка (уже будучи офицером). Поздно вечером, когда уже все было съедено, в столовую заявился основательно подвыпивший капитан, начальник Особого отдела полка (т. е. представитель органов безопасности в полку), и потребовал, чтобы его покормили. Согласно армейским порядкам в таких случаях заранее должно быть заявлено, чтобы «оставили расход», т. е. чтобы оставили в запасе пищу для тех, кто не может прийти в столовую в положенное время. В данном случае это сделано не было. Но пьяный офицер «органов» не хотел слушать моих объяснений и оскорбил меня. Я вспыхнул, выхватил пистолет, сказал ему, что считаю до пяти и, если он не уберется из столовой, я его пристрелю. Он тут же убежал. На другой день он, надо отдать ему должное, извинился передо мной, спросил, выстрелил бы я, если бы он не ушел, и сам же ответил на свой вопрос, что да, я выстрелил бы. Мы договорились, что эта история останется между нами.

* * *

О моем заявлении насчет Сталина в ссоре со старшим по вагону кто-то донес начальству эшелона. Меня вызвали к заместителю начальника эшелона по политической части. Я решил не лезть на рожон и сказал политруку, что доносчик искажил мои слова, что я якобы сказал нечто совсем иное, а именно что даже сам товарищ Сталин так не разговаривает с подчиненными, как старший по вагону разговаривал со мной. Политрук мои слова одобрил, но по прибытии в полк все же посоветовал начальнику Особого отдела полка взять меня на заметку. Тот припомнил мне эту историю в эшелоне, когда беседовал со мной по поводу ЧП (чрезвычайного происшествия), случившегося уже в полку.

Первые двое суток мы питались тем, что взяли с собой. Мы сразу разделились на «богачей» и «бедняков».

«Богачи» запускали руки в чуть приоткрытые чемоданы, что-то там отламывали или отщипывали вслепую и жевали, закрываясь от соседей. «Бедняки» ели в открытую и делились друг с другом. На третий день нам выдали ведро и концентраты каши. Старший по вагону назначил поваром одного из своих холуев. Другой холуй старшего по вагону стал делить хлеб. Начались привилегии и блат. Я подходил за своей порцией каши и хлеба последним. Я возвел это в принцип поведения. Всегда, когда дело касалось распределения каких-то материальных благ, я из принципа оставался последним. Я при этом имел какой-то ущерб, но зато выигрывал морально и психологически. В условиях дефицита распределение благ всегда является источником переживаний. Я выработал в себе привычку быть к этому равнодушным и беречь себя для дел более важных. А начал я это самовоспитание с пустяков. Впрочем, в условиях недоедания лишние граммы хлеба не пустяк.

Иногда нас водили кормиться в специальные кормежные пункты. Если эшелон останавливался на каких-то станциях, мы воровали на дрова все, что попадалось под руку. Тех дров, какие нам выдавали по нормам, было мало. Мы основательно мерзли.

И еды было мало. Ребята на остановках совершали налеты на базары и станционные буфеты. У кого были деньги, покупали что-нибудь съестное. У кого не было денег, воровали. Через несколько дней начались поносы, так что эшелон приходилось останавливать специально из-за этого. Но остановки были не такими уж частыми, и нам приходилось справлять нужду на ходу поезда, что в товарных вагонах было не так-то просто. Один парень во время такой операции выпал из вагона. Произошло это так. Его держали двое, когда он делал свое дело. Кто-то посоветовал для надежности держать его за уши. Державшие рассмеялись и уронили его. Падая, несчастный сам еще продолжал смеяться. На другой день старший по вагону доложил начальнику эшелона, что один человек в его вагоне исчез, возможно дезертировал.

Ехали мы таким образом двадцать трое суток. И чем дальше мы отдалялись от Москвы, тем тоскливее становилось. Никакого внимания на красоты Сибири мы не обращали – было не до них. И даже к Байкалу мы остались равнодушны. Было холодно и хотелось есть. И не было никаких намеков на братские отношения между людьми. Я сочинял длинные письма в стихах моему другу Борису. Эти письма он сохранил. Я их уничтожил в 1946 году. Сейчас я об этом нисколько не жалею, но не потому, что стихи были плохими – стихи были как раз слишком даже хорошими, – а потому, что для успехов в поэзии, в чем я убедился в течение многолетних наблюдений, в наше время нужен не столько поэтический дар, сколько другие качества, не имеющие ничего общего с творчеством как таковым. Мир оказался хуже, чем я предполагал.

* * *

Уже во время этого долгого пути в армию я обнаружил способность к балагурству, шуткам, мрачному юмору. В армии таких людей называют хохмачами (от слова «хохма», означавшего всякие шуточные словесные импровизации). Я подружился с двумя другими парнями, тоже склонными к хохмам. Мы втроем потешали наш вагон всю дорогу. Я эту способность проявлял и раньше, но не в таких размерах. Эта способность обнаруживается и проявляется в сравнительно больших компаниях, т. е. когда довольно большое число людей вынуждено длительное время проводить вместе. В армии это получалось само собой. Особенность моего шутовства состояла в том, что я шутил с очень серьезным видом, без смеха и даже без улыбок, причем с использованием научной и политической терминологии. Иногда это принимало рискованные формы. Расскажу в качестве примера об одной шутовской ситуации. Было очень холодно. Мы основательно мерзли и прибегали ко всяческим уловкам, чтобы согреться. Один сообразительный парень взял себе сапоги на два размера больше, чтобы оборачивать ноги газетами помимо законных портянок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.